

18+

Смотри, Довлатов

Рассказ

Сергей Виль

Сергей Виль
Смотри, Довлатов

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Виль С. А.

Смотри, Довлатов / С. А. Виль — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Иногда на чужбине страшнее всего свои. Рассказ о юноше и девушке, потерявшихся в Амстердаме.

Сергей Виль Смотри, Довлатов

Вообще-то редко бывает, что в самолёте попадают первые места в салоне. Особенно если пришёл не заранее. Особенно если не доплатил.

Сесть у аварийного выхода может повезти, а на первом ряду оказываешься только по письменному распоряжению Фортуны. С круглой и треугольной печатями. Когда самолёт разбивается, пассажиры в первых рядах умирают первыми, но до конца жизни летят с комфортом.

Мы оба невысокие, но вытянуть ноги приятно. Мой рост сто семьдесят, а у Ники Гиршевич и того меньше. Едва ли сто шестьдесят. Я почти лежал, а она, скромничая, сидела. Если посмотреть сбоку, можно увидеть длинные-длинные ноги в джинсах, заправленных в носки, и короткие – в болотных сатиновых штанах. Не уверен, что именно в сатиновых, но, если бы я изобрёл такую ткань, назвал бы сатином.

Мы сидим и смеёмся. Даже не из-за того, что это рейс Москва-Амстердам. Просто иногда бывает хорошо, как в это утро, девятого мая 2018 года. Мама подняла меня рано, чтобы отвезти в Шереметьево. Я снова досматривал сны, просыпаясь: «Мам, я с-час припаркуюсь и пр-снусь...», снова бегал по дому, собирая последние вещи.

Я грустил по дороге в аэропорт: досадно и слегка больно пропускать День Победы, единственный, как мне казалось, праздник в России, когда вторят друг другу сто сорок шесть миллионов сердец. Светило свежее майское солнце, под которым улицы пахнут квасом по скидке и чизбургерами на веранде «Макдональдса». Мне хотелось остаться, но студенческая конференция в Утрехте начиналась сегодня вечером. Подумаю о Родине там.

В машине мы слушали военные песни. Я предложил включить «День Победы», но мама сказала, что может заплакать. Тогда я включил «Як-истребитель» Высоцкого. Слушать перед рейсом песню про крушение самолёта – к добру. *«Вот он задымился, кивнул и запел: мир вашему дому!»*

Я нашёл Нику, субтильную и бойкую, с гигантским баулом около стойки регистрации – и сейчас мы сидели в самолёте. Я вообще редко счастлив, но сейчас, кажется, был.

Иногда встревоженные нервы тискают, щекочут тебя изнутри, и хочется шутить, кривляться, смеша себя и собеседника. Будто ты выдра, уютно устроившаяся в тёплом мху, потягивающаяся и урчащая от радости. Зоолог-энтузиаст умиляется, а тебе и самой приятно.

Мы много цапались с Никой. Она обвиняла меня в недостаточной организованности, а я её – в чрезмерной. Мы в пух и прах ругались на почве политики, истории, религии. Меня раздражала её неспособность найти время после пар, чтобы со мной погулять. Нику вымораживало моё нежелание выполнять её мелкие поручения по учёбе. После того, как мы впервые поцеловались, она призналась мне, что влюбилась, но не желает потакать спонтанным сердечным порывам. А я и не думал предлагать ей встречаться. Но терпеть не мог тот факт, что в Минске её ждал двадцатичетырёхлетний парень.

Плюя на всю скопившуюся подноготную, я вновь и вновь наивно трепетал внутри, когда мне предстояло провести с Никой время. Сейчас это было пять дней. Вдвоём, на конференции по теме, в которую мы погружены по макушку, среди других европейских студентов, в стране, где легализованы лёгкие наркотики. Даже если мы с Никой повздорим, я потерплю.

Мы листали журналы из кармашка впереди и снимали короткие дурацкие видео. Примерно над Венгрией, я, праздно блуждая глазами по окружающему нас салону, вдруг обратил внимание на мужчину, сидящего через ряд. Он без особого интереса смотрел на планшете фильм, слегка помяв молодёжную причёску гигантскими дорожными наушниками.

Высокого роста, с чёрной бородой, кавказским профилем и широкими в бицепсах крепкими руками, он до невероятного – ну просто ужасно – напомнил мне Сергея Довлатова.

– Смотри, Довлатов! Только осторожно обернись.

Она постаралась посмотреть, не поворачивая головы совсем.

– Слушай, да-а! Сфотографируй, как будто фотографируешь меня, – тихо предложила она.

Я неестественно отодвинулся назад, а Ника, подыгрывая, неестественно приосанилась – ровно так, чтобы не закрывать «Довлатова». Фотография получилась, и мы вернулись к весёлому бесцельному щебету. Я несколько раз взглянул на его татуировки, и больше не смотрел.

Мы сели вовремя, и Амстердам встретил нас лучами азартного, деловитого столичного солнца. Я с досадой снял куртку: теперь придётся нести её под мышкой. Мы перебирали, как карты в колоде, нужные для паспортного контроля документы, когда услышали откуда-то сзади и сверху басовитый, низкий, приветливый голос:

– Ребят, извините, вы по-английски нормально? Давайте вместе через контроль пройдем?

Мы обернулись: над нами возвышался «Довлатов». Он оказался рослее, чем я думал, и говорил со мной (а тем более с Никой) сверху вниз. Он приветливо улыбался и сильно пах приятными, маскулинными духами, как любой ухоженный кавказский мужчина. Модные «найки», причёска из барбершопа, татуировки на плечах и повисшие на шее большие наушники. Он выглядел молодо и прогрессивно, хотя «пацаном» или «парнем» такого крепкого, статного человека назвать неудобно. Сдерживая ехидство от встречи со старым знакомым, я ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.